

Н.Н. Германова

**ДИСКУССИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
КОНСТРУКТИВИСТОВ И ПРИМОРДИАЛИСТОВ
И ПРОБЛЕМЫ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ ЕВРОПЫ
(НА ПРИМЕРЕ ОЛЬСТЕРСКОГО
ШОТЛАНДСКОГО ЯЗЫКА)**

В статье обсуждается теоретическая база языковой политики в такой актуальной сфере, как ревитализация миноритарных языков. Различные подходы к этой проблеме в современной Европе определяются не только геополитическими убеждениями политиков и лингвистов, но и отличиями в их теоретической и методологической платформе. Сопоставляя взгляды социальных конструктивистов и примордиалистов на роль языка в этногенезе, автор показывает, что в основании курса на поддержку миноритарных языков лежат взгляды примордиалистов, рассматривающих язык как главное средство этнической самоидентификации. Это положение подвергается критике в работах социальных конструктивистов. Последние, рассматривая язык как социальный конструкт, подчеркивают возможность существования этноса и при утрате родного языка, упрекая своих противников в эссенциализме. В то же время социальный конструктивизм составляет базу для языкового строительства, определяя принципы нормирования миноритарных языков. Представление об искусственном, «рукотворном» характере языков создает предпосылки для такой кодификации языковых норм, которая позволила бы, подчеркивая или даже искусственно создавая различия, эффективно отделять миноритарные языки от близкородственных языков. Особое внимание уделяется практике создания письменных стандартов миноритарных языков на примере ольстерского шотландского языка.

Ключевые слова: языковая политика, миноритарные языки, социальный конструктивизм, примордиализм, стандартизация языка, ольстерский шотландский.

The article discusses the theoretical foundation of European language policies underlying minority languages revitalization. The author demonstrates that different approaches to this problem are determined not only by geopolitical views shared by linguists and politicians, but also by the differen-

Германова Наталия Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета; *e-mail:* nata-germanova@yandex.ru

ce in their theoretical and methodological platforms. Comparing the views of primordialists and social constructivists on the role of language in ethnogeny, the author shows that status planning policies aiming at minority language support are based on ideas of primordialists, who regard language as the main means of ethnic self-identification. This claim comes under criticism in works by social constructivists, who treat language as a kind of social construct and emphasize that an ethnos can preserve its existence even if the ethnic language is lost, accusing their opponents of essentialism. At the same time social constructivism constitutes the theoretical foundation for corpus planning, defining the principles of minority languages standardization. The representation of languages as artificial “man-made” constructs creates the necessary prerequisites for such codification of linguistic norms, which, emphasizing and even creating differences, would allow to distinguish minority languages from closely related idioms. The problem of standardization is discussed with special reference to Ulster-Scots.

Key words: language policy, minority languages, social constructivism, primordialism, language standardization, Ulster Scots.

В последние десятилетия, когда процесс вымирания языков этнических меньшинств приобрел угрожающие масштабы, проблема их ревитализации как условие поддержания этнического и культурного многообразия планеты приобрела особую актуальность. Это в полной мере относится к современной Европе, на территории которой существует несколько десятков миноритарных языков, многим из которых угрожает исчезновение. Остроту этой проблематике придает появление этнополитических движений, использующих язык для политической мобилизации населения.

Перспективы сохранения миноритарных языков в условиях глобализации широко освещаются в современном языкознании¹. В трудах англоязычных авторов влиятельным является положение о необходимости поддержки этнических языков как хранителей этноспецифического опыта и средства этнической самоидентификации². Во многих работах поддержка миноритарных языков увязывается с правами человека, что породило особое направление исследований — Minority Language Rights

¹ Multilingual Europe: Facts and Policies / Eds. G. Extra, D. Gorter. Berlin: Walter de Gruyter, 2008; *Blommaert J.* The Sociolinguistics of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; *Multilingualism: Language, Power, and Knowledge* / Ed. P. Valore. Pisa: Edistudio, 2011.

² *An Introduction to Language Policy: Theory and Method* / Ed. T. Ricento. Oxford: John Wiley and Sons, 2009; *English language as Hydra: Its impacts on non-English language culture* / Eds V. Rapatahana, P. Bunce. Bristol: Multilingual Matters, 2012.

(MLR)³. Распространение мировых языков, вытесняющих миноритарные языки, описывается в терминах «лингвистический империализм», «лингвистический геноцид», «лингвистический суицид» и т.п. Для обозначения дискриминации на основании языка был предложен термин «лингвицизм», обозначающий «идеологии, структуры и практики, используемые для того, чтобы узаконить, ввести в действие и воспроизводить неравное распределение власти и ресурсов, как материальных, так и духовных, между языковыми группами»⁴. Ряд лингвистов работают в направлении эколингвистики, увязывая языковое разнообразие с богатством биологических ресурсов планеты⁵. Активно обсуждается необходимость использования миноритарных языков в системе образования⁶.

Вместе с тем большая часть публикаций ограничивается описанием опыта языковой политики в конкретных странах⁷. Обсуждение часто носит политизированный характер, оставляя в тени такие общелингвистические проблемы, как природа языка и его роль в этногенезе. Между тем именно расхождения по этим кардинальным проблемам во многом определяют различие подходов в языковой политике по отношению к миноритарным языкам.

На наш взгляд, в понимании принципов языковой политики в отношении миноритарных языков Европы существенную роль играет дискуссия социальных конструктивистов и примордиалистов. Как будет показано ниже, эта дискуссия предполагает обращение к таким методологически значимым проблемам,

³ *May S.* Rearticulating the Case for Minority Language Rights // *Current Issues in Language Planning*. 2003. Vol. 4. N 2. P. 95—125; *Wee L.* Language without Rights. Oxford: Oxford University Press, 2010; *Pupavac V.* Language rights: From free speech to linguistic governance. L.: Palgrave Macmillan, 2012.

⁴ *Scutnabb-Kangas T., Phillipson R.* Linguicide // *Concise Encyclopedia of Sociolinguistics*. Amsterdam; N.Y.: Elsevier, 2001. P. 567—569.

⁵ *Encyclopedia of Language and Education: Ecology of Language / Eds A. Creese, P. Martin, N.H. Hornberger*. Vol. 9. N.Y.: Springer, 2010; *Mühlhäusler P.* Language Planning and Language Ecology // *Current Issues in Language Planning*. 2000. Vol. 1. N 3. P. 306—367.

⁶ *Encyclopedia of Language and Education: Language Policy and Political Issues in Education / Eds R. Wodak, D. Corson*. Vol. 1. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. 1997; *Baldauf R.B., Kaplan R.B., Kamwangamaluc N.* Why educational language plans sometimes fail // *Current Issues in Language Planning*. 2011. Vol. 12. N 2. P. 105—124.

⁷ Об этом наглядно свидетельствуют многие публикации в таких журналах, как “*Current Issues in Language Planning*”, “*Language Problems and Language Planning*”, “*Language Policy*”.

как соотношение языка и нации, роль языка в этногенезе и эссенциализм.

С точки зрения примордиалистов⁸, нация представляет собой объективную, «природную» реальность. Исторически она опирается на эндогамию, общность территории, опыт совместного проживания, которые формировали особый психический склад, единые культурные ценности, общее «мировидение», сплачивавшие людей в рамках этнической группы. Примордиалисты полагают, что этнос сохраняет идентичность на всем протяжении своего исторического пути от рода и племени до современных наций. С их точки зрения, этнический язык сопровождает этнос на всем протяжении его существования, естественным образом очерчивая его границы и формируя этноспецифическую картину мира. Одним из первых положение о связи языка и мировидения сформулировал И. Гердер, чьи взгляды получили развитие в трудах И. Фихте, В. фон Гумбольдта, Г. Штейнтала, В. Вундта, А.А. Потебни и других мыслителей XVIII—XIX вв. С тех пор в языкознании прочно закрепилось положение о том, что язык является способом выражения, а средством формирования национально-специфической картины мира.

Взгляды примордиалистов во многом определяют контуры языковой политики Европы по отношению к миноритарным языкам. Их позиция однозначна: культурно-языковое многообразие является благом для человечества. Сторонники поддержки миноритарных языков подчеркивают аккумулятивную и символическую функции языка, благодаря которым язык является ретранслятором культурной информации от поколения к поколению и маркером этнической принадлежности. Как утверждает Д. Кристал, «язык — это первейший индекс, или символ, или маркер идентичности... В языке объединяются этническая идентичность и история, так что каждый язык неизбежно отражает уникальное членение и понимание человеческого бытия, и это составляет одну из причин, по которым мы не можем оставаться равнодушными, когда умирает еще один язык»⁹.

Этот подход является в современной Европе весьма влиятельным. Языковая политика, ориентированная на идеал многоязычия, опирается на ряд международных документов, в том числе на Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств (1995) и Европейскую хартию о региональных языках или язы-

⁸ От англ. «primordial» («исконный»).

⁹ Crystal D. Language Death. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 40—44.

ках меньшинств (1992). Курс на многоязычие поддерживается ЕС и Европейским бюро менее используемых языков¹⁰.

Однако, несмотря на свою авторитетность, положение о ведущей роли языка в этнической самоидентификации не является общепризнанным. Особую позицию в этом вопросе занимают социальные конструктивисты, не без основания обвиняющие примордиалистов в неисторическом подходе и эссенциализме. С их точки зрения, национальная идентичность, как и другие виды идентичности, должна пониматься как социальный конструкт¹¹. Главное в этнической идентичности с этой точки зрения — не объективная изначальная общность членов этноса, не голос крови или дух народа, а коллективное убеждение представителей этноса в том, что все они являются членами одной этнической общности¹².

Ошибка примордиалистов состоит, по мнению социальных конструктивистов, в том, они представляют этносы гомогенными и сохраняющими на протяжении всей своей истории некоторые базовые свойства. С их точки зрения, приписывание этносу неизменного набора качеств и свойств является не чем иным, как эссенциализмом. Конструктивисты настаивают на том, что этническая самоидентификация — это не некоторая данность, изначально присущая человеку, а результат определения индивидуумом и социумом своего места в мире. Из множества возможных этнических маркеров этнос выбирает те, которые на данном этапе могут служить объединяющим фактором и ограничивать его от других этносов.

Эти представления формируются не только стихийно, но и в результате сознательного социального конструирования, особую роль в котором играют элиты. Наиболее ярко искусственный, а не изначально природный характер этноса заметен при формировании современных наций. Если общности эпохи родоплеменного строя формировались в большей степени стихийно, то современные этносы являются результатом «социальной инженерии». В эпоху Нового времени национальные элиты формируют своего рода «этническую мифологию»: конструируют национальную историю, героизируя исторический путь народа; создают и внедряют, часто под видом возвращения к этниче-

¹⁰ См.: *Крючкова Т.Б.* Языковая политика и реальность // *Вопр. филологии.* 2010. № 34. С. 30—34.

¹¹ См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995

¹² См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

ским истокам, национальные символы и традиции, вносят в общественное сознание представления об особом национальном характере, национальном идеале, национальной идее и т.д.

Конструктивистское понимание нации разрабатывалось историками, социологами и политологами во второй половине XX в. Ключевыми в этой области принято считать работы Э. Кедури, Э. Геллнера, Б. Андерсона, Г. Сетон-Уотсона, Э. Хобсбаума, Э. Смита, Ф. Барта, А. Коэна. Эта точка зрения представлена и в отечественной науке¹³. Конструктивистские идеи переносятся на национальный язык, который, вместе с нацией, понимается как в определенной мере искусственное образование. Как пишет Э. Хобсбаум, «национальные языки почти всегда наполовину искусственные конструкты... Они является чем-то прямо противоположным тому, чем они представляются с точки зрения мифологии национализма, который видит в них первооснову национальной культуры и матрицы национального духа. Они обычно представляют собой попытки создать стандартизованные идиомы из множества реально используемых в речевой практике идиом, которые после этого низводятся на уровень диалектов»¹⁴.

В области языкового планирования социальный конструктивизм может быть использован как для поддержки политики многоязычия, так и против нее. С одной стороны, поскольку социальные конструктивисты не считают язык естественным, изначальным признаком нации, они полагают, что этнос может сохранять свою идентичность и при потере родного языка.

Выступая против отождествления языковой и концептуальной картин мира, конструктивисты подчеркивают, что языки содержат различные культурно-исторические напластования, в том числе и архаические, потерявшие актуальность для современных носителей языка. Кроме того, современные языки включают обширный пласт интернационализмов, растворяющих национальную специфику языка. Это особенно характерно для миноритарных языков: их модернизация неизбежно влечет за собой массовые заимствования, причем нередко из того самого языка, который в прошлом вытеснял миноритарный язык из употребления. Такой модернизированный язык может с успехом взять на себя выполнение административных функций, но при этом

¹³ См.: *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

¹⁴ *Hobsbawm E.D.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 54.

он часто перестает восприниматься носителями как родной «домашний» язык или даже становится для них не вполне понятным¹⁵. Это нередко вызывает сопротивление и нежелание учить разработанный лингвистами стандарт. В результате лингвисты порой «спасают язык, который никогда не существовал»¹⁶.

Отказываясь от понимания национального языка как выразителя этнического опыта, социальные конструктивисты не считают поддержку миноритарных языков безусловным приоритетом языковой политики, обвиняя своих оппонентов в попытке «загнать людей в лингвистические гетто». На первом месте должны быть не права языков, а права их носителей: как бы ни хотелось лингвистам спасти вымирающий язык, они обязаны уважать выбор говорящих, даже если те под влиянием «лингвистического рынка» предпочитают перейти на язык большинства.

Однако в области языкового строительства идеи социально-конструктивизма могут быть использованы и прямо противоположным образом — не для опровержения политики многоязычия, а для ее поддержки. Предполагая возможность сознательного конструирования языка, социальный конструктивизм создает предпосылки для такой кодификации языковых норм, которая позволила бы, подчеркивая и даже искусственно создавая различия, максимально эффективно отделить миноритарный язык от близкородственных языков. Именно такой подход определяет пути стандартизации целого ряда миноритарных языков.

Создание письменного стандарта имеет для миноритарных языков особое значение: в условиях сужения сферы употребления и сокращения числа носителей кодификация призвана поднять их престиж и замедлить процесс исчезновения. «Графизация» (термин Ч.А. Фергюсона) является необходимой предпосылкой модернизации миноритарных языков и позволяет расширить их коммуникативное пространство. Создание и внедрение таких стандартов требует активного участия официальных структур и общественных организаций.

Как показывает практика, задачи стандартизации вступают в противоречие с курсом примордиалистов на сохранение аутентичных этнических языков. При выработке стандарта стихийное

¹⁵ См.: *Фишман Дж.* Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // *Логос.* 2005. № 4 (9). С. 116—124.

¹⁶ *Whately L.* Can a language that never existed be saved? // Eds J. Freeland, D. Patrick. *Language Rights and Language survival.* Manchester; Southampton: St. Jerome Publ., 2004. P. 283—287.

формирование языковых норм, через которое прошли национальные языки Европы, подменяется сознательным, целенаправленным и во многом искусственным конструированием. Показательно, что применительно к таким языкам не принято употреблять термины «норма» и «нормирование», их также не принято называть «литературными»: это терминологическое различие призвано подчеркнуть отличие новых стандартизированных идиом от литературных языков прошлых столетий. Характерно, что в большинстве случаев речь идет не о выработке орфоэпических норм, но о создании письменных стандартов, в наибольшей степени допускающих сознательное регулирование.

Большинство миноритарных языков не имеют единой нормы, будучи представлены рядом диалектов, существующих преимущественно в сфере бытовой речи. Поэтому основной проблемой, с которой сталкиваются лингвисты при создании стандартов для миноритарных языков, является языковое варьирование, естественное в условиях диалектной раздробленности. Изучение опыта стандартизации миноритарных языков показывает, что при выработке рекомендаций лингвисты учитывают не только количественную репрезентативность той или иной формы. Во многих случаях в стандарт, напротив, включают вариант, подчеркивающий своеобразие данного языка, даже если он не имеет широкого распространения в большинстве диалектов¹⁷.

Ярким примером такого подхода может служить ольстерский шотландский язык, также известный как *Ullans*. Ольстерский шотландский обладает рядом особенностей в области фонетики, грамматики и лексики¹⁸, которые получили описание в ряде научных работ¹⁹. Этот региональный вариант шотландского английского был признан в 1998 г. отдельным языком Великобритании наряду с валлийским, корнуолльским, ирландским гаэльским, шотландским гаэльским и шотландским (лалланс).

¹⁷ См.: *Чельшева И.И.* Миноритарные романские языки и проблема языковой нормы // Вопросы филологии. 2010. № 1 (34). С. 53—59.

¹⁸ Ср., например, формы *ee/een* для *eye/eyes*, *shae/shuin* для *shoe/shoes*, употребление *whenever* вместо *when* (*It was a lovely job whenever it was finished*), использование глагола в единственном числе при подлежащем, выраженном нарицательным существительным и местоимением (кроме *they*), лексические единицы *lap* в значении «копна сена», *clootie* в значении «левша», *crew* в значении «свинарник» и т.д.

¹⁹ *Fenton J.* The Hamely Tongue: A Personal Record of Ulster-Scots in County Antrim. Belfast: Ulster-Scots Academic Press, 2006; *Robinson Ph.* Ulster-Scots: A Grammar of the Traditional Written and Spoken Language. Knoxville: University of Tennessee Press, 2008.

Его самостоятельный статус был признан Европейским бюро менее признанных языков (*EBLUL*). Однако, несмотря на официальное признание, статус ольстерского шотландского по-прежнему вызывает споры. Признанию его отдельным языком противятся не только британские ученые, но и многие шотландские лингвисты, рассматривающие его как вариант шотландского языка Великобритании.

Шотландский английский был известен в Ольстере с XVII в. Как средство письменного общения он был быстро вытеснен из употребления, но сохранился в устной сфере. В XVIII—XIX вв. на нем развивалась поэтическая традиция, однако к началу XX в. она практически полностью угасла, и основной формой употребления ольстерского шотландского осталась обиходная речь²⁰. Сейчас на нем, по оценкам специалистов, говорит около 100 000 человек. Для поддержки языка была создана Ольстерская академия шотландцев, одной из задач которой является разработка письменного стандарта ольстерского шотландского языка.

Главным принципом отбора является закрепление разнородных по происхождению и характеру языковых форм, отличающих ольстерский шотландский от английского и даже от шотландского языков. В стандарт включаются архаизмы (например, др.-англ. *Tolsel* в значении «парламент»), диалектизмы, неологизмы, в том числе кальки с иностранных языков (*stour-sucker* вместо *vacuum cleaner*), нетрадиционные архаизированные орфографические варианты (*quha* или *goho* вместо *who*) и т.п. Критики этого стандарта утверждают, что он непонятен даже носителям ольстерского шотландского²¹.

Стремление противопоставить ольстерский шотландский как английскому языку, так нередко и шотландскому языку Великобритании наиболее наглядно проявляется в правилах орфографии, разрабатываемых в рамках Ольстерской академии И. Херби-соном, Ф. Робинсоном и А. Смит. Их предложения дают хорошее представление о политике Академии в области разработки орфографического стандарта²².

²⁰ *Montgomery M.B., Gregg R.J.* The Scots Language in Ulster // The Edinburgh History of the Scots Language. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1997. P. 569—622.

²¹ *Aodán Mac Póilín.* Language, Identity and Politics in Northern Ireland. URL: http://www.bbc.co.uk/northernireland/learning/history/statepart/agreement/culture/suppot/cul2_c012.shtml (дата обращения: 25.03.2014).

²² Spelling and pronunciation guide. Ulster-scots language guides. URL: [shttp://www.dcalni.gov.uk/ulster-scots-spelling-guide.pdf](http://www.dcalni.gov.uk/ulster-scots-spelling-guide.pdf) (дата обращения: 25.03.2014).

Как поясняют разработчики новой орфографии, в основу их предложений положены следующие принципы: учет написаний, получивших с 1990-х гг. распространение среди писателей и активных сторонников возрождения культуры ольстерских шотландцев; написаний, фигурирующих в уже опубликованных словарях и глоссариях ольстерского шотландского, а также используемых в шотландском языке; архаичных написаний, обнаруживаемых в письменных памятниках прошлого; написаний, предложенных разработчиками данной программы; написаний, отражающих особенности местного произношения.

Эти разнородные принципы вступают друг с другом в явное противоречие. Так, ряд предлагаемых авторами орфографических вариантов ориентирован на историю. Это прежде всего написание некоторых слов, содержащих в британском английском диграф *wh-*, через *quh-*. Подобные написания зафиксированы в литературных памятниках на ольстерском шотландском в XVII в.; они отражают произношение начального *wh* как *hw*. В современной орфографии буквосочетание *quh-* предлагается сохранить в союзах и местоимениях: *quha* (*who*); *quhat* (*what*); *quhar* (*where*); *quhan* (*where*); *quhy* (*why*). Эти написания рекомендуются для книжного или формального стиля; в текстах неформального характера предлагается употреблять варианты *wha* (*who*); *whut* (*what*); *whar/whaur* (*where*); *whan* (*when*) и *why*. Традиционный характер имеет написание *gye* (*very*), рекомендуемое для того, чтобы избежать путаницы с *gie* (*give*)²³. Слова, заканчивающиеся в английской орфографии буквой *-y*, пишутся в ольстерском шотландском через *-ie*; это также продолжает исторические традиции.

Впрочем, сохранение архаичных орфограмм — это только один из используемых авторами принципов. Достаточно последовательно применяется и фонетический принцип, ориентированный на передачу особенностей местного произношения. Так, опущение конечного *ll*, характерное для шотландского языка как Великобритании, так и Ольстера, находит отражение в написаниях *aa* (*all*); *caa* (*call*); *baa* (*ball*); *waa* (*wall*), *faa* (*fall*). Написание *watther* (*water*) призвано подчеркнуть то обстоятельство, что в ольстерском шотландском согласный *t* имеет зубной, а не альвеолярный характер. Орфограммы *fin* (*find*) и *blin* (*blind*) отражают опущение конечного согласного, написания типа *tak* (*take*) или *mak* (*make*) свидетельствуют об имевшем место в ольстерском шотландском сдвиге гласных.

²³ Написание *gie* отражает тенденцию опускать на письме букву *v*.

Стремление отразить произносительные особенности ольстерского шотландского приводит к использованию диакритических знаков, что, по мнению критиков, делает тексты на ольстерском шотландском похожими на транскрипции из орфоэпического словаря. Так, для того, чтобы указать на своеобразное произношение согласных *t* и *d*, в позиции перед *-er* рекомендуется ставить диакритику над следующей за ними гласной *bet^her* (*better*), *ef^her* (*after*), *denn^her* (*dinner*), *lett^her* (*letter*)²⁴. Противники подобных инноваций не без основания замечают, что подобные орфограммы противоречат интуиции носителей языка: незнакомый с тонкостями ольстерского шотландского читатель едва ли догадается, что диакритика отражает произношение предшествующего согласного, а не гласного. В других случаях диакритики указывают на специфическое качество гласного: *n* вместо *i* (например, в *pⁱg*) обозначает более задний и слегка назализованный звук.

Следует заметить, что нетрадиционные написания охватывают большинство слов, в том числе и наиболее употребительные: *hae* (*have*); *isnae* (*isn't*); *hinnae* (*haven't*); *maunnae* (*mustn't*); *wud* (*would*); *cud* (*could*); *shud* (*should*); *wal* (*well*); *guid* (*good*) и т.д. Своего рода «визитной карточкой» ольстерской орфографии принято считать написание неопределенного артикля как *tha*. Сторонники такого написания утверждают, что эта орфограмма позволяет различать артикль и местоимение *they*, которое в ольстерском шотландском пишется как *the*; критики указывают на то, что подобное написание противоречит этимологическому принципу: в среднешотландский период артикль писался как *the/ye*, в то время как орфограмма *tha* означала *they* или *those*.

Предлагаемая академией орфография встречает неоднозначный прием. Она получила определенное распространение, преимущественно в официальной сфере. Однако критики называют предлагаемые орфограммы «искусственными», «эзотерическими», «противоречащими интуиции носителей языка», «неуклюжими», «вводящими в заблуждение». Даже в Ольстере существуют трения между академией и Обществом по изучению ольстерского шотландского (*the Ulster-Scots Language Society*)²⁵. Впрочем, какими странными и искусственными ни казались бы предлагаемые написания, письменный стандарт выполняет возлагаемую на него символическую функцию, наглядно противопоставляя

²⁴ Другая предлагаемая в этих случаях орфограмма предполагает употребление диграфа *th*: *shooder/shooter* (*shoulder*).

²⁵ Последнее, сопротивляясь стандартизации в области правописания, невольно способствует, по мнению разработчиков орфоэпического стандарта, сохранению анархии в области орфографии.

Ullans другим языковым идиомам²⁶. Однако только время покажет, удастся ли ему вызвать у жителей Ольстера чувство языковой лояльности, став эффективным средством этнической самоидентификации.

Как видно из вышесказанного, принципы, определяющие языковую политику Европы в области ревитализации миноритарных языков, внутренне противоречивы. Общие контуры этой политики, ставящей во главу угла многоязычие и мультикультурализм, определяются представлениями примордиалистов о языке как главном факторе этнической самоидентификации. Однако реализация этой политики на практике требует обращения к принципам социального конструктивизма. Создание письменных стандартов, необходимых для расширения общественных функций миноритарных языков, приводит в ряде случаев к созданию искусственных языковых идиом, которые едва ли могут претендовать на аутентичность. Возможно, именно это противоречие объясняет отсутствие значимого прогресса в ревитализации языков ряда миноритарных меньшинств.

Список литературы

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.

Крючкова Т.Б. Языковая политика и реальность // Вопросы филологии. 2010. № 34.

Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. 2005. № 4 (9).

Чельшева И.И. Миноритарные романские языки и проблема языковой нормы // Вопр. филологии. 2010. № 1 (34).

An Introduction to Language Policy: Theory and Method / Ed. T. Ricento. Oxford: John Wiley and Sons, 2009.

Aodán Mac Póilín. Language, Identity and Politics in Northern Ireland. URL: http://www.bbc.co.uk/northernireland/learning/history/statea-part/agreement/culture/suppot/cul2_c012.shtml

²⁶ Вот несколько примеров предложений на ольстерском шотландском: *Ah'm fain tea pit forrit ma Mannistries Hannlin Rede fur 2011 (I am pleased to present my Department's Business Plan for 2011); This Hannlin Rede bigs oan this spaesicht an mintin (This Business Plan builds on this vision and aim)* (цит. по: *Kirk J.M.* Civil service Scots: Prose or poetry? // Scots: Studies in its Literature and Language. Amsterdam; N.Y., 2013. P. 277—303.

Baldauf R.B., Kaplan R.B., Kamwangamaluc N. Why educational language plans sometimes fail // *Current Issues in Language Planning*. 2011. Vol. 12. N 2.

Blommaert J. *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Crystal D. *Language Death*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Encyclopedia of Language and Education: Ecology of Language / Eds A. Creese, P. Martin, N.H. Hornberger. Vol. 9. N.Y.: Springer, 2010.

Encyclopedia of Language and Education: Language Policy and Political Issues in Education / Eds R.W. Wodak, D. Corson. Vol. 1. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. 1997.

English language as Hydra: Its impacts on non-English language culture / Eds V. Rapatahana, P. Bunce. Bristol: Multilingual Matters, 2012.

Fenton J. *The Hamely Tongue: A Personal Record of Ulster-Scots in Country Antrim*. Belfast: Ulster-Scots Academic Press, 2006.

Hobsbawm E.D. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge, 1992.

Kirk J.M. *Civil service Scots: Prose or poetry? // Scots: Studies in its Literature and Language*. Amsterdam; N.Y., 2013.

May S. *Rearticulating the Case for Minority Language Rights // Current Issues in Language Planning*. 2003. Vol. 4. N 2.

Montgomery M.B., Gregg R.J. *The Scots Language in Ulster // The Edinburgh History of the Scots Language*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1997.

Mühlhäusler P. *Language Planning and Language Ecology // Current Issues in Language Planning*. 2000. Vol. 1. N 3.

Multilingual Europe: Facts and Policies / Eds G. Extra, D. Gorter. Berlin: Walter de Gruyter, 2008.

Multilingualism: Language, Power, and Knowledge / Ed. P. Valore. Pisa: Edistudio, 2011.

Pupavac V. *Language rights: From free speech to linguistic governance*. L.: Palgrave Macmillan, 2012.

Robinson Ph. *Ulster-Scots: A Grammar of the Traditional Written and Spoken Language*. Knoxville: University of Tennessee Press, 2008.

Scutnabb-Kangas T., Phillipson R. *Linguicide // Concise Encyclopedia of Sociolinguistics*. Amsterdam; N.Y.: Elsevier, 2001.

Spelling and pronunciation guide. Ulster-scots language guides. URL: <http://www.dcalni.gov.uk/ulster-scots-spelling-guide.pdf>

Wee L. *Language without Rights*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Whately L. *Can a language that never existed be saved? // Eds J. Free-land, D. Patrick*. *Language Rights and Language survival*. Manchester; Southampton: St. Jerome Publ., 2004.